

УДК 94/8

ОСОБЕННОСТИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ КОЛОНИЙ ИСПАНСКОЙ АМЕРИКИ И СТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМЫХ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТРАН

Лосев К. В.

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: secretariat@hf-guap.ru*

Михайлов В. В.

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: secretariat@hf-guap.ru*

История становления государственности отдельных латиноамериканских стран в отечественной историографии редко изучалась вне общей истории освободительной борьбы в Латинской Америке в 1795–1826 гг. Делается акцент на особенностях социально-политического устройства венесуэльского общества и отдельных территорий Венесуэлы на начальном этапе антиколониальной борьбы против испанского владычества. Показаны экономические и социально-гуманитарные предпосылки участия в антииспанских выступлениях самых различных слоев латиноамериканского общества, от крупных землевладельцев до рабов, вывезенных из Африки, и местных индейских племен. Отмечены противоречия в восприятии идеи «освобождения» в кругах латиноамериканской интеллигенции, ориентирующейся на теорию и демагогию периода Французской революции, и практическом воплощении экономической и культурной свободы от подчинения Испании в реальном латиноамериканском обществе, где богатство было основано в основном на рабском труде и различных формах «теневой» экономики.

Ключевые слова: испанские колонии в Америке, история Венесуэлы, рабство в Латинской Америке, антиколониальная борьба в Латинской Америке, Педро Фермина де Варгас, Симон Боливар, Хосе Антонио Паэс.

История освободительной борьбы народов Латинской Америки за освобождение от колониальной зависимости и становления независимых латиноамериканских стран представляет большой интерес для исторической науки, причем в последние годы этот интерес становится все более актуальным, особенно, в отношении Венесуэлы. Новая «боливарианская» идеология, пропагандируемая президентом Уго Чавесом и его последователями и политическими преемниками ставит новые вопросы относительно периода освободительной антиколониальной борьбы, ее социальных, политических и военных аспектов и последствий. Особенности регионального развития латиноамериканских стран остались, несмотря на прошедшие после освобождения два столетия, такие социально-

политические феномены, как этно-социальное бесправие, военно-политический каудилизм, авторитарный стиль политического лидерства, во многом сохраняются, при самом различном идеологическом наполнении политики Венесуэлы, и требуют отдельного исторического анализа [3, с. 12]. Становление же их связано с самым началом истории Венесуэлы, когда в ходе внутренней политической борьбы на уже освобожденных территориях Колумбии и Венесуэлы произошло разделение единой Великой Колумбии и образование независимой Венесуэлы под руководством ее первого президента Хосе Антонио Паэса (1790–1873).

Традиционно, отечественные историки отмечают две основные предпосылки начала антииспанского освободительного движения в Латинской Америке: во-первых, экономическая политика Мадрида, установившего «многочисленные запреты и ограничения, которые мешали экономическому прогрессу, но приостановить его все же не могли» [1, с. 59], во-вторых, это упадок самой Испанской монархии, терпевшей военные поражения от Англии. Однако следует заметить, что сами по себе налоговая политика метрополии и торговые ограничения, при всей их тяжести могут вполне отвечать интересам правящего класса колонии и не приводить к восстаниям и революциям. Недаром, советская историческая школа настаивала на том, что колониальный режим препятствовал «формированию в странах Испанской Америки капиталистических отношений» [1, с. 59], то есть, отношений нового экономического уклада. При этом, к началу 19 века эти отношения были довольно слабо развиты на фоне традиционного колониального уклада: пеонажа, рабского труда на латифундиях и рудниках и других форм, определяющих практически всю реальную экономику латиноамериканского региона. С другой стороны, «победоносная» в войнах с Испанией (1779–1782, 1796–1801, 1804–1808 гг.) Англия, сама уже потеряла свои американские колонии, добившиеся независимости еще в 1779 году, а в Европе над Англией нависала угроза со стороны Наполеоновской Франции.

В последние годы историки обнаруживают все большее значение не экономических или военно-политических факторов в зарождении и развитии определенных движений, приводящих к заметному перекраиванию политической карты, но факторов социо-гуманитарных. Изменение позиции самоопределения часто небольшой группы людей конкретного социума при наличии харизматического лидера, могут вызвать массовые односторонние реакции в обществе, меняющие практически полностью властный или политический ландшафт. «Чайпитие в Бостоне» – яркий пример такого изменения позиции небольшой группы, последствия которого совершенно не отвечают исходным политико-экономическим явлениям, против которых они были направлены.

В случае с Североамериканскими штатами быстрое распространение в умах колониальной элиты нового умонастроения облегчалось тем фактом, что «исходные тринадцать колоний занимали территорию, которая была меньше территории Венесуэлы и составляла лишь треть от размера Аргентины» [2, с. 86]. В Латинской Америке ситуация была совершенно иной. «Первоначальные очертания американских административных единиц были в какой-то степени произвольными и

случайными, помечая пространственные пределы отдельных военных завоеваний. Но под влиянием географических, политических и экономических факторов они обрели со временем более прочную реальность.

Сама обширность испано-американской империи, необычайное разнообразие ее почв и климатов и, прежде всего, исключительная затруднительность коммуникаций в доиндустриальную эпоху способствовали приданию этим единицам самодостаточного характера» [2, с. 74]. В XVIII веке «чтобы добраться морем из Буэнос-Айреса в Акапулько требовалось четыре месяца... Человека, достаточно безрассудного, чтобы совершить переезд из Буэнос-Айреса в Картагену по суше, ожидало путешествие... длившееся девять месяцев» [5, с. 47–48]. Вдобавок к тому, торговая политика Мадрида привела к превращению административных единиц в отдельные экономические зоны. «Всякая конкуренция с родной страной была американцам запрещена, и даже отдельные части континента не могли торговать друг с другом. Американским товарам, переправляемым из одного уголка Америки в другой, приходилось путешествовать окружным путем через испанские порты, и испанский флот обладал монополией на торговлю с колониями» [10, р. 19].

Эти обстоятельства помогают объяснить, почему «одним из основных принципов американской революции» был принцип *uti possidetis*, согласно которому каждой нации следовало соблюдать территориальный статус-кво 1810 г. – года, на который приходится начало движения за независимость... Их влияние также, несомненно, внесло свой вклад в распад недолго просуществовавшей Великой Колумбии Боливара и Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы на их прежние составные части (Венесуэла-Колумбия-Эквадор и Аргентина-Уругвай-Парагвай-Боливия)» [2, с. 75]. В результате, хотя, «все в испанской Америке и мыслили себя «американцами», этот термин обозначал лишь общую фатальность их внеиспанского рождения. Протестантские, англоязычные креолы, жившие к северу, находились в гораздо более выгодном положении, чтобы реализовать идею «Америки», и в конце концов действительно добились успеха в присвоении себе повседневного звания «американцев» [2, с. 85]. Территориальная, экономическая и просто изоляция «общения» не позволили странам Латинской Америки создать единое политическое пространство.

Наиболее ярко проявилась эта изоляция в том, как осуществлялась в Испанской Америке «революция Гуттенберга», то есть как развивалась местная печать. Во всех испанских или английских колониях Нового Света язык не был фактором, отделяющим их от метрополий. Эта ситуация сохранялась и в период борьбы этих колоний за независимость. «Все они, в том числе США, были креольскими государствами, которые создали и возглавляли люди, имевшие общий язык и общее происхождение с теми, против кого они боролись... На самом деле, можно уверенно сказать, что в их ранней борьбе за национальное освобождение вопрос о языке никогда даже не ставился» [2, с. 70]. Это формировало схожие пути развития местной печати. В испанских колониях на протяжении долгого периода она оставалась под контролем короля и обслуживала церковные интересы. «К концу XVII в. типографии существовали только в Мехико и Лиме, и их продукция была

почти всецело церковной. Однако в XVIII в. произошла настоящая революция. В период с 1691 по 1820 гг. в Америке издавалось не менее 2120 «газет», из которых 461 просуществовала более десяти лет» [8, р. 208–211].

Одной из основных характеристик новых газет была их провинциальность, вытекающая из сложности сообщений. При этом испано-американские газеты сочинялись провинциалами с полным осознанием миров, существовавших параллельно их собственному. Читатели газет из Мехико, Буэнос-Айреса и Боготы, даже если и не читали газет друг друга, вполне сознавали, несмотря на это, их существование. Отсюда, как пишет Андерсон, идут истоки широко известной двойственности «раннего испано-американского национализма, чередование в нем широкомасштабности с партикуляристским локализмом» [2, с. 85]. Такая культурная двойственность вела к аналогичным «раздвоениям» и в других более действенных областях жизни колоний, к восприятию противоречий как вполне естественных факторов экономической и политической реальности.

Другая особенность испанских колоний, это специфика становления креольской экономической, политической и культурной элиты, привязанной административными установлениями Мадрида исключительно к американской земле, причем и здесь им не суждено было занимать высшие административные посты. Так, из 170 вице-королей в испанской Америке до 1813 г. креолами были только четверо [5, с. 40]. При этом в конце 18 века в 3,2-миллионном «белом» населении Западной империи (при почти 14 млн. индейцах и рабов-неграх) испанцы, рожденные в Испании, составляли лишь 150 тысяч. В Венесуэле число «пиринейцев» не превышала 12 000 человек (1,3%) [5, с. 41, 202]. Главные торговые и управленческие функции были по сути монополизированы испанцами, родившимися в Испании, и лишь землевладение оставалось доступно испанцам, родившимся в Америке. Таким образом, можно отметить, что причиной антииспанских настроений в колониях были вовсе не массовые демократические тенденции, но осознание собственной правовой незащищенности местной элитой.

Более того, попытки Мадрида «демокритизировать» ситуацию с рабовладением и послужило основным толчком к активным действиям. Владельцев земель и предприятий всегда раздражало «мелочное регулирование государством взаимоотношений хозяев с индейцами» [6, с. 155]. Непосредственно перед началом революции, предприниматели буквально завалили администрацию жалобами с требованием ужесточить содержание рабов и увеличить их количество, позволить ввозить в колонии больший «тоннаж негров» [6, с. 98, 156]. Как пишет английский историк Д. Линч, когда «31 мая 1789 г. Испанское правительство издало новый закон о рабах, кодифицировавший законодательство, разъяснявший права рабов и обязанности хозяев и вообще, направленный на улучшение содержания рабов... креолы отвергли вмешательство государства во взаимоотношения хозяина и раба и повели борьбу против декрета, ссылаясь на то, что рабы склонны к пороку и независимости, а они необходимы для хозяйства. В Венесуэле – и, по существу, во всех испанских владениях Карибского бассейна – плантаторы выступили против этого закона и добились в 1794 г. его приостановки» [5, с. 204]. Когда же спустя три

года произошло восстание бедняков под лозунгом возврата закона 1789 г., оно было жестоко подавлено венесуэльскими «шоколадными маркизами» [6, с. 156]. Как писал А. Гумбольдт, «В Америке разная степень оттенков белой кожи определяет место, которое человек занимает в обществе» [9; 5, с. 41].

Современный исследователь Б. Андерсон в своей книге «Воображаемые сообщества», описывающий в структуралистском ключе становление национализма в различных регионах мира, пишет: «В таких важных случаях, как Венесуэла, Мексика и Перу, одним из ключевых факторов, который с самого начала подстегивал стремление к независимости от Мадрида, было вовсе не стремление «вовлечь низшие классы в политическую жизнь», а, напротив, страх перед политическими мобилизациями «низших классов»: а именно, восстаниями индейцев или негров-рабов. (Этот страх лишь возрос, когда в 1808 г. гегелевский «секретарь мирового духа» (Наполеон Бонапарт) покорил Испанию, лишив тем самым креолов военной поддержки с полуострова на случай возникновения чрезвычайной ситуации)» [2, с. 71]. В 1812 году ученый и путешественник А. Гумбольдт писал, что «венесуэльская знать питала отвращение к независимости, так как считала, что «в случае революции рисковала лишиться рабов и утверждал, что «она предпочла бы даже иностранное господство власти американцев, принадлежавших к низшему классу» [9; 5, с. 202].

В связи с этим следует поставить под сомнение утверждение, что идеология французской революции была доминирующей в событиях боливарианских революций. Тот факт, что дикторский каудилизм, а не демократия (или ее симуляция) североамериканского типа, стала формой правления практически во всех освобожденных испанских колониях, подтверждают это. Лидеры типа Хосе Антонио Паэса не только не мыслили в русле «Декларации прав человека», они часто были просто неграмотными лидерами, выражающими своими словами и действиями интерес землевладельцев феодального (по меркам современной им Франции) типа. Даже Боливар еще в 1828 году писал, что негритянский бунт рабов, которые совершают «самые страшные грабежи, убийства и разрушения... в тысячу раз хуже, чем испанское вторжение» [5, с. 210, 236]. «Показательно, что одна из причин, позволивших Мадриду в 1814–1816 гг. успешно вернуть свои утраченные было позиции в Венесуэле... состояла в том, что в борьбе против взбунтовавшихся креолов он завоевал поддержку рабов» [2, с. 72]. При этом, что удивительно, в конституции 1-й Венесуэльской республики (1811) было много дословных заимствований из конституции освобожденных североамериканских штатов [10, р. 131], например, «...законы, унижавшие гражданское достоинство одной части населения Венесуэлы, известной до сих пор как пардо, отменяются целиком и полностью» [7, с. 205]. Показательны мысли колумбийского «интеллигента» и либерала начала 19 века Педро Фермина де Варгаса: «Было бы весьма желательно, чтобы индейцы были истреблены посредством расового смешения с белыми, объявления их свободными от дани и иных налогов и дарования им права частной собственности на землю» [11; 5, с. 272]. То, как с помощью истребления индейцам предлагалось гарантировать их общечеловеческие права, вполне отражает

противоречивое восприятие лидерами боливарианской революции идеологии Просвещения и французской революции.

В этом смысле новая идеология Испанской Америки, при том, что она лояльно воспринимала противоречия реальности, оказалась более проста, откровенна и менее казуистична. Когда генерал Паэс, принимая в 1827 году из рук Боливара саблю, обещает, что враг Боливара возьмет ее только вместе с жизнью самого Паэса, и при этом через несколько месяцев тот же Паэс отрекается от своего кумира, практически обрекая его на окончательное политическое поражение и смерть, его вовсе не беспокоит то, как на это противоречие в словах и действиях отреагирует политический истеблишмент, так же, как венесуэльские законодатели, принимая демократические статьи Конституции, вовсе не имели в виду немедленное освобождение рабов.

Несколько схожая ситуация «двойственности» складывалась и в экономике латиноамериканских стран. Освобождение от экономических ограничений, навязанных Испанией, привело не столько к открытию межколониальной торговли, сколько к небывалому расцвету контрабанды, успешно действовавшей и в условиях «колониального гнета», а также к «революционным» экспроприациям. Креолы в борьбе против испанской торговой монополии широко использовали контрабанду. «В Венесуэле контрабандная торговля шла с близлежащими Антильскими островами, где обосновались англичане, французы и голландцы» [4]. Разумеется, вся эта теневая экономика, приносящая огромные доходы, процветала под защитой «народных» лидеров – командующих войсками и отдельными отрядами, контролирующими те или иные местности. Предводители аргентинских гаучо, венесуэльских льянеро, мексиканских вакеро и даже восставших рабов (в Перу и Эквадоре) или пиратов (типа итальянца Бианки, создавшего на острове Маргарита собственную «военную» флотилию [4]), часто неграмотные и даже расово «нечистые», становились владельцами земель, торговых путей контрабанды оружием и продовольствием, главными противниками и нарушителями нового либерального экономического порядка [10, р. 19].

Таким образом, можно сделать вывод, что особенности освободительного движения в Латинской Америке состояли в том, что сложная социальная структура общества испанских колоний, связанная с неразвитостью политических, экономических, транспортных и культурных отношений отдельных территорий приводила к неопределенности интересов и целей различных групп, участвующих в антиколониальной борьбе. Большое значение приобретали личные качества как лидеров антиколониальной борьбы, так и лидеров «консервативных» движений, выступающих за сохранение связи с испанской монархией. Идеологические лозунги антииспанского движения, перенятые из Франции и Северной Америки, часто оказывались непонятными широким массам населения, и, в результате, не могли быть воплощены в реальную политическую жизнь даже после успеха военных операций.

Первая фаза освободительной борьбы в Латинской Америке показала разрыв между стихийными выступлениями угнетаемых и политически бесправных масс и

«эмигрантскими» либеральными движениями креольской элиты за политическую независимость колоний от Испании. Противоречие интересов креольской верхушки латиноамериканских обществ и народных масс привело к неудаче первых попыток Ф. Миранды поднять антииспанское восстание в Венесуэле, однако, они возбудили в части крупных землевладельцев стремление к усилению своего влияния в отдельных регионах политическими и военными средствами, обусловив развитие системы политического каудилизма.

Все эти особенности становления новых государств Латинской Америки можно будет видеть в дальнейшем в деятельности лидера венесуэльских бедняков-льянос и первого президента республики Венесуэла, национального героя этой страны, генерала и президента Хосе Антонио Паэса. Его путь от предводителя отряда охотников-льянеро до высших военных и административных постов отражает уникальный политический опыт самой страны, его родившей и возвеличившей, а стиль правления Паэса оказался парадигмальным для политических лидеров Венесуэлы и многих других латиноамериканских стран, не исключая таких современных лидеров, как Уго Чавес и Николас Мадуро.

Список использованных источников и литературы

1. Альперович М. С., Слезкин Л. Ю. Образование независимых государств в Латинской Америке (1804–1903). М.: Просвещение, 1966. 243 с.
1. Al'perovich M.S., Slezkin L.Yu. Obrazovanie nezavisimykh gosudarstv v Latinskoi Amerike (1804–1903). M.: Prosveshchenie, 1966. 243 s.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М. Ж. Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma. M. Zh. Kuchkovo pole, 2001. 288 s.
3. Гончарова Т. В., Стеценко А. К., Шемякин Я. Г. Универсальные ценности и цивилизационная специфика Латинской Америки. Кн. 1, 2. Кн. 1. Роль европейского начала в цивилизационном процессе в Латинской Америке: проблема соотношения универсального и локального. М.: ИЛА, 1995. 145 с.
3. Goncharova T. V., Stetsenko A. K., Shemiakin Ia. G. Universal'nye tsennosti i tsivilizatsionnaia spetsifika Latinskoi Ameriki. Kn. 1, 2. Kn. 1. Rol' evropeiskogo nachala v tsivilizatsionnom protsesse v Latinskoi Amerike: problema sootnosheniia universal'nogo i lokal'nogo. M.: ILA, 1995. 145 s.
4. Лаврецкий И. Боливар. М.: Молодая гвардия, 1981. 221 с. [Электронный источник]: URL: http://royallib.ru/book/lavretskiy_iosif/bolivar.html. Дата обращения 15.01.2022.
4. Lavretskii I. Bolivar. M.: Molodaia gvardiia, 1981. 221 s. Access: URL: http://royallib.ru/book/lavretskiy_iosifbolivar.html. accessed 15.01.2022.
5. Линч Д. Революции в Испанской Америке, 1808–1826. М.: Прогресс, 1979. 404 с.
5. Linch D. Revoliutsii v Ispanskoj Amerike, 1808–1826. M.: Progress, 1979. 404 s.
6. Марчук Н. Н., Ларин Е. А., Мамонтов С. П. История и культура Латинской Америки (от доколумбовых цивилизаций до 1918 года). М. Высшая школа, 2005. 494 с.
6. Marchuk N. N., Larin E. A., Mamontov S. P. Istoriia i kul'tura Latinskoi Ameriki (ot dokolumbovykh tsivilizatsii do 1918 goda). M. Vysshiaia shkola, 2005. 494 s.
7. La Constitución Federal de Venezuela de 1811 // Libro de actas del Supremo de Venezuela, 1811–1812. Caracas: Academia Nacional de la Historia, 1959. 389 p.
8. Febvre M., Martin H.-J. The Coming of the Book: the impact of printing, 1450–1800. London: Verso, 2010. 384 p.

**ОСОБЕННОСТИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ КОЛОНИЙ ИСПАНСКОЙ
АМЕРИКИ И СТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМЫХ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТРАН**

---

9. Humboldt von A. Viaje a las regions equinocciales del Nuovo Continente. Tomo 3. Paris: Rosa, 1826. 368 p. Access: <http://babel.banrepcultural.org/digital/collection/p17054coll10/id/2508> Accessed: 15.01.2022

10. Masur G. Simon Bolivar. Albuquerque: Univ. of New Mexico Press, 1948. 737 p.

11. Vargas P. F. Pensamientos politicos y memoria sobre la probation del Nuevo Reino de Granada Bogota: Biblioteca Colombiana, 1944. 204 p. Access: bibliotecadigitaldebogota.gov.co/resources/2864898/ Accessed: 15.01.2022

Losev K.V, Mikhailov V. V. Features of the liberation struggle of the colonies of Spanish America and the formation of independent latin American countries

The history of the formation of the statehood of individual Latin American countries in Russian historiography has rarely been studied outside of the general history of the liberation struggle in Latin America in 1795–1826. The article focuses on the peculiarities of the socio-political structure of Venezuelan society and certain territories of Venezuela at the initial stage of the anti-colonial struggle against Spanish rule. It shows the economic and socio-humanitarian prerequisites for participation in anti-Spanish speeches of the most diverse strata of Latin American society, from large landowners to slaves exported from Africa and local Indian tribes. Contradictions are noted in the perception of the idea of «liberation» in the circles of the Latin American intelligentsia, guided by the theory and demagoguery of the period of the French Revolution, and the practical embodiment of economic and cultural freedom from subordination to Spain in a real Latin American society, where wealth was based mainly on slave labor and various forms of the «shadow» economy.

Keywords: Spanish colonies in America, history of Venezuela, slavery in Latin America, anti-colonial struggle in Latin America, Pedro Fermina de Vargas, Simon Bolivar, Jose Antonio Paez.